

ТАМБОВСКАЯ ЕПАРХИЯ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1917–1922 ГОДОВ

О.Ю. Левин

преподаватель Тамбовской духовной семинарии

Аннотация. Статья посвящена событиям, происходившим в Тамбовской епархии в тяжелые революционные и постреволюционные годы. Автор обращает внимание читателей на постепенное изменение отношения духовенства к революционным преобразованиям, отмечает особенности принятия тамбовским духовенством Февральской революции и Октябрьской.

Ключевые слова: Февральская революция, Тамбовская епархия, духовенство, Церковь, советская власть, Гражданская война, антоновское восстание.

Февральскую революцию епархиальное духовенство встретило в основном с симпатией: на удивление легко рассталось с тем строем, который веками поддерживал Церковь и покровительствовал ее служителям. Возможно, причина в том, что с новой властью связывали надежду на реформы, необходимость которых давно назрела. Поэтому новое устройство государственного строя России приняли быстро и даже с некоторым восторгом. Вот какую запись занес в церковную летопись Казанской церкви с. Туровка Козловского уезда приходской священник почти сразу после свершившейся Февральской революции: «Старое правительство во главе с Государем свергнуто! Боже мой! С какою радостью! С каким энтузиазмом народ получил это известие. Россия стала свободной! Все стали свободными гражданами! Об этом даже забыли и думать. Армия и народ сплотились воедино. Государь с семейством и все старые министры, кровопийцы и изменники арестованы»¹.

Местные епархиальные ведомости своевременно оповестили духовенство о событиях, произошедших в столице. В № 10–11 помещены обращение Святейшего Синода по поводу перемены государственного строя, отречение государя и приветственная

¹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1748. Л. 25 об.

телеграмма тамбовского архиепископа Кирилла новому обер-прокурору В.Н. Львову². В этих же номерах восторженные телеграммы из уездов от провинциального духовенства в адрес архиерея. В них выражение радости по поводу свершившихся событий. В последующих номерах статьи, содержащие упрек духовенству, которое, по мнению авторов, отставало от событий из-за своей неповоротливости и косности.

Впрочем, обвинения эти не были справедливыми. Духовенство не только на словах, но и на деле приняло новую власть, некоторые представители его непосредственно стали членами исполнительных органов этой власти. В Кирсановском уезде товарищем председателя уездного комитета был священник Василий Смирнов, в Шацком уезде председатель уездного продовольственного комитета – священник Иван Борисов, в Тамбове член секретариата уездного комитета – священник Феодор Знаменский, а псаломщики Лебедянского уезда просили архиерея разрешить им участвовать в местной милиции в свободное от службы время.

Тех, кто не принял новое положение вещей, было немного. Их голоса тонули на общем фоне и были почти неслышны. В этой связи стоит упомянуть о так называемом деле спасского комиссара Меркулова. Диякон с. Верхнеспасского Тамбовского уезда Иван Меркулов был арестован уездным комитетом Временного правительства 11 апреля 1917 года и заключен в тамбовскую тюрьму. В вину ему вменялось то, что он «возбуждает население против определенных групп населения, против советов, учителей, членов кооперативов, самовольно и без всякого основания производит аресты, подстрекает население не платить податей и именуется главным комиссаром с. Верх. Спасское, заявляя, что он не может подчиняться уездному исполнительному комитету»³. Сам арестованный был уверен, что его действия вполне «согласованы с демократическим народным течением», и считал себя представителем Тамбовского совета рабочих и солдатских депутатов.

События в Тамбовской епархии в первые два месяца после Февральской революции практически в точности отражают

---

² Телеграфные и письменные сношения с Преосвященнейшим Кириллом, архиепископом Тамбовским и Шацким, по поводу свершающихся событий // ТЕВ. 1917. № 10/11. С. 298.

³ ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 73. Л. 510.

те процессы, которые произошли в отношениях между государством и Церковью. При прежнем строе государь был главой и покровителем Церкви. В новых условиях, когда Временное правительство отказалось от прежних притязаний в отношениях с Церковью, все же потребовало от последней публичного признания своей власти. В ответ на это последовало Послание Святейшего Синода с призывом «довериться Временному правительству». Это был акт добровольный, совершенный без принуждения, с надеждой на то, что новая власть даст возможность развиваться Церкви согласно ее каноническим правилам. Однако деятели Временного правительства по-своему понимали эти законы и правила. Понимали они их в соответствии с теми теориями, которые еще в конце XIX века появились в среде либерально настроенной, но совершенно нецерковной интеллигенции.

Вот некоторые постулаты этой «теории»: выборность иерархии и духовенства, полная свобода вероисповедания, отделение школы от Церкви, ограничение земельных владений Церкви и необходимость созыва Собора, но не как церковного органа, а как своеобразного парламента в Церкви, с помощью которого можно будет влиять на нее и управлять ею. В принципе практически все эти постулаты начали осуществляться. Сразу же был отстранен целый ряд иерархов. Затем сформулированы основные идеи закона о свободе совести, но в жизнь их провести временщики не успели. Зато попытались сразу же изъять из ведения Церкви церковные школы, чем вызвали негодование со стороны иерархии и духовенства. Резко протестовал против этого, в том числе, и тамбовский владыка Кирилл.

В декабре 1917 года в Тамбове еще действовал губернский комиссар Временного правительства, власть которого была номинальной, из-за чего в Тамбовской губернии царил неразбериха и безвластие, что сразу отразилось на отношениях с Церковью и прежде всего с монастырями. Исполняющая обязанности настоятельницы Тулиновского Софийского женского монастыря монахиня Ангелина рапортом донесла, что 12 декабря 1917 года, в 5 часов вечера, крестьянами с. Большая Талинка был ограблен монастырский хутор, причем грабители угнали всю скотину, находящуюся на хуторе: 5 коров, телку, 2 коз⁴. Было разграблено все хуторское

⁴ Там же. Д. 8. Л. 69.

имущество: мебель, посуда, одежда и постель монахинь. Губернский комиссар Временного правительства К.Н. Шатов начал расследование, но оно ничем не закончилось. Также ограблена была община Всемилоствитового Спаса в Фитингофе Моршанского уезда. А Терская Казанская женская община по распоряжению Козловского уездного земского комитета от 12 октября 1917 года и вообще была закрыта, а имущество ее и земли перешли в распоряжение волостного земельного комитета.

Большевистское руководство 20 января 1918 года приняло декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Декрет утверждал право граждан исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, запрещал преподавать религиозные учения в школе, лишал религиозные организации права юридического лица, а также права собственности. Все имущество и денежные накопления Церкви объявлялись народным достоянием. На местах стали создавать комиссии по отделению Церкви от государства. Они в короткие сроки закрыли домовые храмы в учебных заведениях и государственных учреждениях.

Однако на протяжении почти всего 1918 года положение в губернии было относительно спокойным, и все шло как бы по-прежнему. Так же праздновали Рождество и Пасху, крестьяне обращались в органы государственной власти с просьбой разрешить преподавать в школах Закон Божий, потому как «у нас в обществе разных религий нет, а все мы граждане и гражданки одной православной веры». Продолжала еще функционировать Тамбовская духовная семинария, и в ее стенах даже проходила работа съезда духовенства и мирян Тамбовской епархии, на котором 28 мая 1918 года впервые в истории епархии был избран управляющий Тамбовской епархией – епископ Козловский Зиновий (Дроздов).

Весной 1918 года начали работать комиссии по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви: они действовали в основном путем разъяснения и агитации. Так, Борисоглебская комиссия 25 октября постановила отпечатать и распространить по уезду 500 экземпляров листовки, разъясняющей положения декрета, а в ответ на обеспокоенные заявления граждан, что советская власть собирается закрывать церкви, разъяснила: «Пусть каждый верует как ему хочется и в кого угодно. Но пусть не принуждает к тому же других. Ни закрывать храмы, ни уносить

из храмов иконы и другие богослужебные предметы советская власть не собирается»⁵. Кстати сказать, в основной массе именно так в этот период были настроены по отношению к религии провинциальные коммунисты. Но постепенно отношения эти менялись. Виной тому во многом стала начавшаяся Гражданская война, осложнившая и без того непростую обстановку в губернии.

К осени 1918 года продовольственный кризис в стране достиг невероятных размеров. Центральное правительство приняло решение об изъятии хлеба у крестьян в принудительном порядке. В села были направлены вооруженные продотряды. Эта мера переполнила чашу терпения крестьян. Во многих районах страны продотряды встретили вооруженное сопротивление, которое тут же жестоко подавлялось. Не избежала этой участи и Тамбовская губерния. Восстанием был охвачены Моршанский, Шацкий, Спасский, Темниковский, часть Тамбовского уездов, локальные выступления были в Кирсановском уезде. Одной из причин восстания сами большевики называли религиозные притеснения, а духовенство обвинили в подстрекательстве. В результате было расстреляно и убито более 500 человек. А в г. Спасске для устрашения устроили публичную казнь, расстреляв на площади 22 человека, в том числе и священника с. Хомутовка Темниковского уезда. 4 ноября 1918 года были расстреляны диакон с. Перкино Григорий Шеметов и псаломщик Дмитрий Корнилов. Доносивший об этом происшествии епископу Зиновию священник Иван Меняков писал, что они расстреляны «как восставшие против Советской власти». Народная память сохранила также предание об убийстве отца Симеона Гаховича из с. Песчанка (ныне Пензенская область). Через село проходил карательный отряд. В это время отец Симеон, человек уже преклонного возраста, вышел из своего дома и направился в Церковь. Кто-то из красноармейцев выстрелил и убил его. Расстрелян был также весь причт с. Бондари, священник с. Борки Шацкого уезда, благочинный 3-го Шацкого округа священник Иван Островский, священник с. Агламазова Шацкого уезда.

Народ не был безучастным свидетелем расправ над духовенством. Часто крестьянские общества защищали своих пастырей. В с. Кутли Моршанского уезда, после ареста священника Ястребова, собрание общества 23 ноября 1919 года постановило:

⁵ ГАТО. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 130.

«Просить особый отдел ЧК священника Ник. Ястребова виновным в антисоветской агитации не считать». Выяснилось, что Ястребов, подчиняясь силе оружия, отслужил молебен для граждан с. Пичаево. Это вменилось ему как контрреволюционная пропаганда. В с. Алгасово на защиту священника Пятницкого встал член волсовета Петр Сложеникин. В доме священника разместилась местная комячейка. Вели себя коммунисты безобразно: шумные собрания, пьянки, игра в карты. Конечно же, все это было тяжело переносить 75-летнему старцу, о чем Сложеникин открыто сказал на собрании крестьянского общества. Немедленно председатель ячейки написал жалобу в уком. Сами коммунисты остановить Сложеникина не смогли, так как в этом выступлении Сложеникина поддерживало не только большинство крестьян, но и председатель волсовета, который никак не отреагировал на жалобы коммунистов. Сельские коммунисты усмотрели в заявлении Сложеникина «поход против коммунистов врага Советской власти», что принесло «вред РСФСР», а главное, «если пропускать такие явления, то в одно прекрасное время всех членов ячейки могут поубивать, почему дух членов заметно падает». Однако в уездном центре долго не принимали никаких решений. И только в декабре 1919 года местному милиционеру было приказано провести расследование. Тот ограничился опросом сторон, составлением протоколов, на чем дело и закончилось.

Еще одно мероприятие вызвало резкое неприятие населения. Это приказ Реввоенсовета республики 1918 года «О призыве граждан в тыловое ополчение, достигших ко 2 декабря 1918 года 40-летнего возраста, эксплуатирующих чужой труд». В этот разряд попало большинство священников, диаконов и псаломщиков. Они были вызваны из своих сел в город на работы, а храмы остались без богослужения. С таким положением православные смириться не могли. В органы власти стали посылать ходатайства с требованием вернуть священников. В Моршанске был освобожден от ополчения диакон кладбищенской церкви Сажин, так как состоял копиистом в подотделе собеса, но вот священника той же церкви Алабовского в феврале 1920 года не освободили, несмотря на ходатайство прихожан. Однако в марте его все же отпустили, но «с тем, чтобы он в свободное

время выполнял какие-либо общественные работы». Вынуждены были власти отпустить священнослужителей и многих других сел Тамбовской епархии.

Таким образом, первый натиск советской власти на религию потерпел поражение. Более того, религиозные притеснения стали одной из причин народных восстаний 1918 года. Об этом открыто говорит народный комиссар внутренних дел в своей телеграмме от 5 декабря 1918 года ко всем губисполкомам: «Одной из причин восстаний была недостаточная тактичность в действиях представителей местной советской власти, неумелое исполнение ими заданий Центра... Особенно это обнаружилось при осуществлении декрета об отделении церкви от государства». Власти начинали понимать, что скорая победа над Церковью неосуществима.

В 1921–1922 годы Тамбовская губерния была охвачена антоновским восстанием, в котором духовенство никаким образом участия не принимало, и никаких лозунгов религиозного характера не выдвигалось, в отличие от восстания 1918 года. Причем отметим одну деталь: Церковь отчасти пострадала от действий антоновцев. Так, мятежниками была разорена Мамонтовская Алексеевская женская община и недалеко от Тамбова – Пантелеймоновскит. Многие священники призывали крестьян в своих проповедях с церковного амвона не поддерживать антоновцев. И, тем не менее, духовенство, оказавшись между двух огней, в первую очередь и пострадало. Правительственные войска в качестве заложников частенько брали именно священников. Известен случай, когда в с. Паревка в 1921 году были взяты в заложники и расстреляны все присутствующие в этот день на богослужении люди во главе с приходским священником Михаилом Успенским. Убиты были священники в селах Каменка, Лозовка и др.